

**«РОЗЫ ЛЮБВИ И СЕМЯ СОМНЕНИЙ»:
«РАСТИТЕЛЬНЫЕ» МЕТАФОРЫ
ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА**

О. Ю. Шиманская

Рассмотрены метафоры внутреннего мира человека, в основе которых лежит номинация или характеристика чувств и эмоций человека и их проявления в поведении через обращение к образам растительного мира – растений, их частей, свойств и т. д. В структуре регулярной метафорической модели «растения → чувства» автор выделяет ряд частных моделей, обладающих высокой степенью продуктивности в современных языках. Сравнительно-сопоставительный анализ узуальных метафор русского, белорусского и английского языков позволяет вывести универсальные метафорические модели, а также зафиксировать примеры уникальных метафор, характерных только для одного языка.

The article is devoted to emotion metaphors where the names of plants their parts and related words appear as the source of metaphorisation and serve to denote emotions, both inner ones and those expressed outwardly. The author investigates a regular metaphorical model “plants → emotions” and manifests a range of particular sub-models within it which possess productiveness in modern languages. Comparative and contrastive analysis brings out examples of metaphorical universals within the investigated sphere as well as unique and specific metaphors in Belarusian, Russian, and English.

Ключевые слова: метафора; метафорическая модель; языковая метафора; окказиональная метафора; эмоции; природа.

Keywords: metaphor; metaphorical model; conventional metaphor; novel metaphor; emotion; nature.

Введение. Языковая картина мира имеет антропоморфный характер: каждое явление или событие окружающего бытия человек словно пропускает через себя, переживает и познает как событие внутреннее. Не случайно внутренние переживания человека наиболее часто сравниваются с явлениями природного мира, которые представляют собой естественную среду его существования. В узусе каждого языка существуют слова – наименования предметов и процессов растительного мира, которые помимо первичного имеют в речи метафорически переосмысленное переносное значение и используются для яркой, образной характеристики явлений психического мира – чувств, эмоций, мыслей и поведения человека.

Метафорическая модель «мысли – это растения» манифестируется во многих исследованиях Дж. Лакоффа, М. Джонсона [1], Г. Складаревской [2] и др. Компоненты лексико-семантической группы «растения» активно выступают в качестве источника вторичных номинаций, большей частью основываясь на семах «зарождение, развитие, увядание». В классификации Г. Складаревской растения включаются в семантическую сферу «предмет» [2], однако, на наш взгляд, наиболее целесообразно рассматривать данную модель в контексте семантической сферы «природа», в частности «растительный и животный мир» [3, с. 28–29].

Целью данной статьи является сопоставительный анализ различных метафорических переносов в русском, белорусском и английском языках, имеющих сферой референции растительный мир, и выявление на его основе общего и специфического в способах метафорической номинации и характеристики эмоций в названных языках с опорой на регулярные и окказиональные метафорические проекции.

Основой для выборки послужили существительные и субстантивированные лексические единицы, метафорическое значение которых зафиксировано в академических словарях языков, а также примеры узуальных и окказиональных метафор из корпусов текстов и аутентичных текстов из интернет-источников [4–8].

Помимо общей типологической характеристики метафорических моделей с референцией к семантической сфере «растение» в узуальном пласте языков автор ставит задачу рассмотрения окказиональных (авторских) метафор и оценку их соответствия универсальным языковым моделям.

Основная часть. В семантическую сферу «растительный мир» включаются названия растений и их частей, а также наименования процессов, происходящих в растительном мире (цветение, разрастание, увядание). Классификация лексико-семантических вариантов по источнику номинации позволяет выделить некоторые частные модели, характеризующиеся общностью элементов семантических структур и, следовательно, общностью в характере развития производных значений.

1. Зачатки и семена растений → зарождающиеся чувства. Слова *зерно, семя, ростки, парасткі, насенне, grain, bean, seed* и др. обозначают зарождающиеся чувства, мысли, свойства человека, а также дополнительную сему 'вращенность' и могут иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию: *Грехи, соблазны и суеверия – это та земля, которая должна покрывать семена любви для того, чтобы они могли взойти* (Л. Толстой). *Тот, у кого помышление... всегда в Боге, отгоняет от себя бесов и искореняет семя злобы их* (св. Игнатий Брянчанинов). *Ранейшыя кпінкі Сцяпана і жартаўлівья намёкі маці не прайшлі бяследна, яны накінулі ў душы парасткі непрыязнасці, і гэтая непрыязнасць знайшла ця-*

пер місяця (А. Савіткі). Падумалася, што і я некалі пасеяў добрае **насенне** ў сэрцы Уладзіміра (П. Кавалёў). [Нявідны] поўнаю жменьню сее **насенне** буры і нянавісі да класавых ворагаў (Я. Колас). *The seeds of his great ideas were planted in his youth* 'Зерна яго великих идей были посеяны еще в детстве'¹.

В контексте данные полисеманты могут приобретать дополнительное квантитативное значение, называя частное проявление чувства, его интенсивность: *There is not a single **bean** of substance in the report* 'В его докладе нет ни капли (дословно — фасолинки) смысла'. *There wasn't a **grain** of truth in what he said.* 'В его утверждении нет ни крупинки правды'. *The conversation sowed a tiny **seed** of doubt in his mind* 'Разговор посеял в его душе семя сомнения'.

2. Цветы и плоды растений → результаты психической и социальной активности человека. Полисеманты *цвет, плод, flower* и др. обозначают результат какого-либо психического процесса или состояния, а также яркие, значимые проявления чувств: ...*Откуда студент Серединский мог получить такое неправильное понятие о Слове Божиим, — вина ли это его собственная или **плод** внушений сторонних* (Г. Флоровский). *Цветы* красноречия. Так, *будзе дождж, і снег, і іней — Ніколі ж **цвет** жыцця не згіне* (Н. Чарнушэвіч). *It will take years for that idea to come to full **flower*** 'Уйдут годы на то, чтобы эта идея расцвела пышным цветом'.

Некоторые метафоры лексико-семантической группы «растения» являются универсальными для неродственных языков в силу того, что исторически они основаны на аллюзиях к одним и тем же выражениям из литературных источников (здесь референциально метонимический характер переноса): *лавры, фиговый листок (фігавы лісток, лаўры, laurels, fig leaf, carrots)*. *Увенчать **лаврами** победителя.* *She has rightly won **laurels** for this brilliantly perceptive first novel* 'Она заслуженно получила одобрение (лавры) за первый роман'. *Carrots will promote cooperation over the environment far more effectively than sticks* 'Морковка (ср.: пряник) поможет наладить сотрудничество по охране окружающей среды гораздо лучше, чем палка (ср.: кнут)'.

3. Синестезия. Иногда возникновение метафорического значения мотивировано синестезией: в символ метафоры полагается чувственно воспринимаемый признак (вкус, запах, осязательные ощущения). Метафоры *чэмер, дурман* основаны на переосмыслении горечи вкуса (как тягостного душевного состояния) и пьянящего запаха (как потери контроля над собой): *Религиозный дурман. "Дабранач" буркнуўшы сабе пад нос, Шаціла знік адразу ў нетрах ночы. Ён нават не зірнуў у твар дзявочы, І горкі чэмер ён у сэрцы нёс* (А. Зарыцкі). На осязательных ощущениях основаны метафоры *колючки, шипы, колкость, prickliness*, поскольку в наивной же картине мира их денотаты осмысляются как проявление агрессии, вспыльчивости:

---

¹ Здесь и далее перевод с английского — автора.

Говорить колкости. — Змоўк ваш бог, Нахамчык, — з калючкай пад'ехаў... Лейба (Р. Мурашка). В английском языке полисемант *prickle* 'шип' имеет дополнительный лексико-семантический вариант 'волнение': *Kathleen felt a prickle of excitement* 'У Катлин по телу побежали мурашки возбуждения'.

4. Части растений → конкретные проявления чувств, поведения. Метафорическое переосмысление названий частей растений связано с принятым в языковой картине мира значением исходных денотатов для существования и развития растения как организма. Некоторые метафоры данной метафорической модели являются более частной проекцией широкой метафорической модели «сила природных явлений и процессов → внутренние духовные силы», поскольку в них фокусом метафоры выступает именно «жизнеутверждающий» признак внутренней силы. Так, полисемант *корень, корань, root* обозначает причину, основу, источник чувств и мотивов человека, полисеманты *сердцевина, фибры, kernel, fibre* — внутреннюю сущность человеческой души, метафоры *сок, клёк, juice, juiceness, sap* — эмоциональный и духовный потенциал человека: *Корни ревности и злобы, разрушивших счастье кроткой Нади, идут оттуда* (И. Ефремов). *У него гнилая сердцевина. Страх пронизывал все фибры его существа. Корань зла. Корань недохопяў. Ненавідзец усімі фібрамі души. She wanted him with every fibre of her being* 'Она нуждалась в нем всеми фибрами своей души'. *She has no juice left* 'Из нее вытянули все соки'. *The hot, heady days of youth when the sap was rising* 'Горячие дни молодости, когда кровь кипела (дословно — соки поднимались)'.

Особую подгруппу в лексико-семантической группе «части растений» образуют наименования внешней оболочки растений и их частей. Здесь рассматриваемая модель метафоризации является проекцией обобщенного концепта «оболочка», который может актуализировать две семы — 'защита' и 'пустота'. Так, полисемант *кора* характеризует «защитную оболочку» человеческой души, закрытость внутреннего мира: *Дрымота і здранцвеласці цяла туманіла нам галовы і зацягвала сэрца карою абьякавасці* (К. Чорны). Сема *пустота* высвечивается в метафорах *шелуха, шалупінне, chaff*: *В целом же возобновленный «Князь Игорь», лишенный прежней экспериментаторской шелухи, вполне подтверждает высказывание знаменитого сатирика...* («Известия»). [*Мицкевіч*] *адкідаў бруд і шалупінне папоўскіх нагавораў* (А. Лойка). *In his proposals there was too much chaff* 'В его предложениях было много шелухи'.

5. Свойства растений → свойства чувств и их проявление у человека. Наблюдая за жизнью растений, человек устанавливал сходство этих процессов со своей жизнью, создавая экзистенциальные метафоры, описывающие рождение, существование и смерть человека. Такие метафоры также широко применяются для описания динамики возникновения, развития и угасания чувств, эмоций, мыслей, настроений. Исходные

ЛСВ данной подгруппы – чаще всего акциональные субстантивы, связанные с действием, движением (*разрастание, перерастание*): *Страницы, посвященные восприятию залом премьеры, постепенное перерастание недоумения в протест... читаются как захватывающий детектив* («Театральная жизнь»). Полисеманты *расцвет, зрелость, bloom, fruitfulness* и др. обозначают обычно позитивные эмоции и чувства, овладевающие человеком, богатство эмоциональной сферы, а также достижение расцвета, высшей степени проявления чего-либо, проявление в поведении человека чистоты, открытости: *Портрет был написан в пору расцвета таланта художника* («Культура»). *Главная героиня... отличается потому идеальной зрелостью* («Известия»). *Her face has lost its usual bloom* ‘Ее лицо уже не выглядело таким цветущим’. *Fruity hopefulness on someone’s face* ‘Искренний (дословно – фруктовый) оптимизм на чьем-либо лице’.

Метафоры *увядание, вырождение, blight (болезнь растений), decay* несут негативную коннотацию и обозначают угасание, истощение чувств, возникновение отрицательных настроений человека: *Тяжелее всех чувствует увядание жизни молодой помощник аптекаря* (Н. Тэффи). *Еврей... и сегодня остается таким, каким был всегда, не обнаруживая ни следов упадка... ни увядания своего живого и подвижного ума* (В. Матлин). *Всё душевное может рано начать своё увядание и долго, долго вянуть; но одно не может в нас умереть – это живое сердце* (митр. Антоний Блум). *Her remorse could be a blight on that happiness* ‘Угрызения совести могли омрачить ее счастье’. *His speech was all rot* ‘Его речь была сплошной гнилью’. *Decay of the spirits* ‘упадок (дословно – гниение) духа’.

В художественной речи образы растительного мира находят, пожалуй, самое яркое применение, рождая неповторимые оттенки и сочетания значений. Особенность таких метафор – сочетание в их семантической структуре метафорического и символического значения, опора на культурные традиции и фольклор народа. Часто авторы прибегают к приему «нанизывания» метафор, употребляя лексико-семантические варианты различных семантических сфер, часто даже антонимичные, для передачи противоречивости, быстрой смены чувств, создавая живые, яркие образы человеческих переживаний: *Розы любви и фиалки разлуки, Я собирал вас на разных лугах* (И. Полянская). *Люттик жалости, ящерица тщеславия, змея ревности – эта флора и фауна должна быть изгнана из жизни нового человека* (Ю. Олеша). *Мы лавр находим там // Иль кипарис печали, // Где счастья роз искали, // Цветущих не для нас* (К. Батюшков). *Ашукаўшы злыя халады, // Ласкаю чаканага світання // Абнадзеіць сэрца назаўжды // Сонцакрылы жаўранак каханья // Абляціць пажоўклы ліст журбы. // Колас шчырасці нальцеца сілай* (Р. Барадулін). *My love is like a red, red rose That’s newly sprung in June. My love is like a melody, that’s sweetly played in tune* (R. Burns) ‘Моя

любовь, словно роза, распустившаяся в июне. Моя любовь, как мелодия, что с сердцем звучит в унисон’.

Заключение. Таким образом, анализ полисемантов семантической сферы «растение», используемых для номинации и характеристики феноменов внутреннего мира человека – чувств, эмоций, поведения, мыслей, – позволяет выделить несколько метафорических моделей, обладающих высокой степенью продуктивности в разных языках. Наиболее значимые из них – переносы, основанные на переосмыслении зарождения, роста, плодоношения растений (лексико-семантические варианты связаны с развитием мыслей и чувств) и на синестезии (перенос значений на основе тактильных, слуховых и обонятельных ощущений). Метафорические переосмысления названий растений обладают меньшей продуктивностью, но могут выступать активным источником метафор в поэтической речи.

Изучение и сравнительно-сопоставительный анализ метафор внутреннего мира человека в различных языках открывает широкие горизонты познания скрытых механизмов метафоризации, помогает установить общее и специфическое в семантике метафор с референцией к сфере «растительный мир» в родственных и неродственных языках, что необходимо для полноценного диалога культур, осуществления грамотного перевода, успешной повседневной коммуникации.

Библиографические ссылки

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004.
2. *Склярёвская Г. Н.* Метафора в системе языка. 2-е изд. СПб., 2004.
3. *Шыманская В. Ю.* Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле субстантываў) (з электронным дадаткам). Мінск : РІВШ, 2016.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <<http://ruscorpora.ru>> (дата доступа: 20.01.2016).
5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 18-е изд. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1986.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). Мінск : БелСЭ, 1977–1979.
7. *ABBYU Lingvo 12* [Электронный ресурс]. Электронный словарь : ABBYY Software, 2006. – 1 диск (CD-ROM).
8. *Oxford Dictionary of English / ed. by C. Soanes, A. Stevenson.* Oxford University Press, 2003.